

С глухим стуком У Цзяньюэ повалился на землю — У Нин с размаху швырнул его об пол.

Находившиеся рядом люди и зверолюды разом подобрались. У них округлились глаза, отвисли челюсти, а на лицах застыло изумление. Откуда, черт возьми, у него взялась такая силища?

Ли Сымин первым пришел в себя и поспешил на помощь:

— Цзяньюэ!

У Цзяньюэ прикрыл лицо руками, и по его щекам градом покатались слезы. Он выглядел воплощением раскаяния и обиды:

— Брат Сымин, это всё моя вина. Я не должен был говорить брату, что мы идем в Лес Магического Тумана за Лунным первоцветом, чтобы вылечить твой духовный срыв. Если бы я промолчал, он бы не стал закатывать истерики и требовать взять его с собой. А раз мы бы не искали этот цветок, то и нападения на Шуй Хуняна не случилось бы. Во всем виноват я, только я. Он ударил меня, обругал — и поделом, я не в обиде. Мне лишь жаль, что Шуй Хунян так пострадал из-за меня.

Шуй Хунян: «...!»

Умоляю, заткнись уже, ты позоришь всё наше бычье племя! Он — зверолюд-бык В-класса, специализирующийся на физической силе, — был повержен никчемным чистокровным человеком У Нином. Это позор, который теперь не смыть до конца жизни. А этот тип продолжает болтать, словно хочет опозорить его на всю Империю Чанкун!

Ли Сымин нахмурился. Сердце сжималось от жалости к У Цзяньюэ. Он приобнял его, а затем, с нескрываемым раздражением глядя на У Нина, отрезал:

— У Нин, сколько раз я тебе говорил? Ты не пробудил духовную силу, мне не нужно, чтобы ты помогал мне справляться со срывами, и тем более не нужны твои кустарные снадобья. Цзяньюэ — твой младший брат. Он с самого детства, зная о твоей неспособности, всегда защищал и поддерживал тебя. Как ты мог поднять на него руку?

Ну надо же, жених прежнего владельца тела — настоящий лев. Самоуверенность, самовлюбленность и дар выставять себя жертвой просто поражают воображение.

У Нин потряс ушибленной рукой и посмотрел на Ли Сымина, который был выше его на целую голову. С нынешним состоянием тела вероятность убить этого наглеца была равна нулю, как и вероятность влить ему пощечину. Будь он в своем прежнем теле на стадии Золотого Ядра, он бы даже не заметил этого Ли Сымина — да хоть десять, хоть сто таких, как он, он бы уничтожил в мгновение ока, не оставив ни следа.

Но сейчас сил не хватало. Однако У Нин не был из тех, кто глотает обиды. Он хмыкнул и с жаром выпалил:

— Ли Сымин, с твоими мозгами только навозных жуков разводить, они бы от восторга ослепли. Ударил — и ударил, тебе-то что? Забыл, чей ты жених? Мы еще не расторгли помолвку, а ты уже и на эту чашу смотришь, и на ту, и в котел заглядываешь? Что, хочешь, пользуясь положением отца-принца, открыто нарушить законы Империи Чанкун и завести гарем из двух мужей, чтобы обнимать обоих сразу?

Рука Ли Сымина, державшая У Цзяньюэ, дрогнула, будто от удара током. На мгновение он не посмел встретиться взглядом с черными, ясными глазами У Нина, и его голос заметно потерял уверенность:

— У Нин, ты несешь полный бред! Мы с Цзяньюэ чисты перед законом!

Раньше У Нин всегда вел себя робко, не смел повышать голос, прятал взгляд и лишь исподтишка смотрел на него с обожанием. Но сейчас его глаза, глубокие, как бездна, казались способными пронзить насквозь и увидеть все потаенные мысли.

У Цзяньюэ ошарашенно смотрел на Ли Сымина. Раньше, когда У Нин протестовал против их близости, он лишь обзывал У Нина грязным, игнорировал его, холодно отстранялся, продолжая общаться с Ли Сымином как ни в чем не бывало. А У Нин, словно привязанный, через пару дней сам прибегал извиняться и умолял Ли Сымина ответить хотя бы на одно сообщение.

У Нин насмешливо хмыкнул:

— Чисты? Хочешь зеркало дам? Посмотри на свою виноватую физиономию, вылитый боров.

— Ты...

У Нин перебил его, указывая пальцем на три луны в небе:

— Не виноват? Отлично! Давай, поклянись перед лунами и богом зверей, что никогда не хотел расторгнуть нашу помолвку и не мечтаешь быть с моим драгоценным братиком У Цзяньюэ!

Ли Сымин замялся. Он не смел клясться богу зверей. На одной чаше весов — никчемный жених, на другой — гениальный целитель А-класса. С годами У Нин становился всё бесполезнее и угрюмее, вызывая лишь стыд, в то время как У Цзяньюэ приносил ему славу. Выбор был очевиден. Но помолвку заключила пропавшая императрица. Если он сам разорвет её, его заклеят всё звездное сообщество. Поэтому У Нин должен был сделать это сам, чтобы Ли Сымин остался чист перед моралью и мог открыто быть с У Цзяньюэ.

У Нин, видя его молчание, ядовито усмехнулся:

— Что, кишка тонка? К чему тогда этот спектакль с невинностью?

Ли Сымин побледнел, его лицо исказилось от злости. Он пристально смотрел на У Нина — тот стал другим, совсем другим.

У Нин перевел взгляд на Шуй Хуняна и остальных, а затем растянул губы в ослепительной, пугающей улыбке:

— Шуй Хунян, У Цинло, Му Цинлян и остальные, запомните: в следующий раз не смейте задира́ть нос, когда увидите меня. А вы, мой дорогой братец и мой дорогой жених, раз уж решили крутить шашни у меня под носом, а потом еще и читать мне нотации, пытаюсь заставить меня самого расторгнуть помолвку — забудьте, этому не бывать.

Прежнего хозяина тела они довели до края, а теперь, когда он занял это тело, он должен отыграться и отомстить, чтобы закрыть кармический долг. Пусть даже не мечтают, что он добровольно откажется от помолвки. Он — мастер стадии Золотого Ядра, проживший сотни лет, неужели он не найдет способа сжить их со свету или хотя бы превратить их жизнь в ад?

Все присутствующие зверолюды вздрогнули от этой улыбки. Несмотря на то что он был весь в крови, в грязной, рваной одежде, его улыбка была такой притягательной, что хотелось отдать ему всё самое лучшее.

У Цзяньюэ едва не сломал зубы от ярости, продолжая скулить:

— Брат...

У Нин закатил глаза:

— Хватит кудахтать, ты что, курица? Короче, где летательный аппарат? Доставай.

— С чего бы это отдавать тебе аппарат? — У Цинло, видя, как зверолюды вокруг словно замороженные смотрят на У Нина, почувствовала укол ревности. Она сделала шаг вперед, встав рядом с У Цзяньюэ, и задрала нос: — У Нин, ты же такой храбрый, такой дерзкий? Вот и выбирайся из леса сам, нечего нас просить.

Остальные люди подхватили:

— Верно! Мы-то думали, ты чего стоишь, а ты — бумажный тигр. Только и можешь, что угрожать, а в итоге всё равно ползешь к нам.

— А, я поняла! У Нин, ты всё это затеял, чтобы привлечь внимание господина Ли Сымина, чтобы он взглянул на тебя и полюбил!

<http://bllate.org/book/22112/2301649>